

Информация для размещения на официальном сайте ГБПОУ
«Светлоградский региональный сельскохозяйственный колледж»

Для электронного обучения

	110
Дата	06.12.2021
Время	13:20-14:40
Наименование УД/МДК/УП/ПП	Родная литература.
Ф.И.О. преподавателя	Анистратенко Л.А.
Электронная почта	anistratenko75@inbox.ru
Основная литература	Н.Ф. Кравцова «Из – за парты на войну»
Тема	Они прославляли Ставрополье Н. Ф. Кравцова «Из-за парты на войну». Произведения о героях, показавших образцы мужества и бесстрашия.
Задание	1.Теоретическая часть. А) Биографические данные. Произведения: 1. 1974. От заката до рассвета 1976. 2. Из-за парты — на войну. 3. 1979. Вернись из полёта! 4. 1982. За облаками — солнце 5. 2005. Нас называли ночными ведьмами Родилась 8 сентября 1922 года в городе Лубны Полтавской губернии Украинской ССР. Русская. Член ВКП(б)/КПСС с 1943 года. Школьные годы Наталья Фёдоровна провела в Харькове и Киеве, где в 1940 году с отличием окончила среднюю школу № 79. В старших классах увлеклась планеризмом. Записалась в планерную школу при Киевском Дворце пионеров. В 1941 году окончила 1-й курс Московского авиационного института. В июле-августе 1941 года участвовала в строительстве оборонных укреплений в районе Брянска. В начале октября 1941 года по личному заявлению была зачислена в 588-й ночной легкомбардировочный авиационный полк, сформированный по инициативе известной лётчицы Героя Советского Союза М. М. Расковой[К 1]. В 1942 году окончила Энгельсскую военную авиационную школу пилотов. На фронтах Великой Отечественной войны находилась с мая 1942 года. Была начальником связи эскадрильи, лётчиком, старшим лётчиком и командиром звена авиационного полка. Воевала на Южном, Северо-Кавказском, 4-м Украинском и 2-м Белорусском фронтах. В общей сложности на счету командира звена Натальи Меклин — 980 боевых вылетов, во время которых на врага было сброшено 147 тонн бомб. Указом от 23 февраля 1945 года гвардии лейтенанту Меклин Наталии Фёдоровне было присвоено звание Героя Советского Союза (медаль «Золотая звезда» № 4855)[К 2]. После войны продолжала службу в ВВС командиром звена (в Северной группе войск, Польша), а с октября 1945 года уволилась в запас. С октября 1945 года Н. Меклин находилась в запасе. В 1947 году окончила 2 курса филологического факультета Московского государственного университета. С октября 1947 года вновь оказалась в армии: в октябре-ноябре 1947 года служила

офицером отдела перелётов Главного управления ВВС.
В 1953 году окончила Военный институт иностранных языков (1948—1953).
Служила старшим референтом-переводчиком в 6-м Управлении Министерства обороны СССР. В январе 1956 года вышла замуж за Ю. Ф. Кравцова и взяла его фамилию.
С сентября 1957 года майор Н. Кравцова в отставке. Работала в информационном отделе Управления Генштаба Советской армии переводчиком-референтом; затем в Издательстве военно-технической литературы на иностранных языках переводчиком, редактором. Занималась литературной деятельностью. Жила в Москве.
С 1972 года — член Союза писателей. Член Клуба Товарищей «Военного института иностранных языков Красной армии» (ВИИЯ КА).
Любила классическую литературу («Война и мир» Л. Н. Толстого, «Сага о Форсайтах» Голсуорси, музыку (Бетховен, Шостакович), балет («Жизель»). Любимые кинофильмы — «Белое солнце пустыни», «Служили два товарища», «Тихий Дон». Из актёров выделяла Жана Габена, Софи Лорен, Галину Уланову. Любимый вид спорта — спортивная гимнастика.
Скончалась 5 июня 2005 года. Похоронена в Москве на Троекуровском кладбище.

Б) Творчество писателя.

Сколько бы ни прожил человек, самыми долгими в его жизни остаются первые восемнадцать — двадцать лет. Здесь все памятно, значителен каждый прожитый день. И на всю дальнейшую жизнь бросает свой отсвет юность.
Книга Натальи Кравцовой, которую вы прочтете сейчас, написана о юности поколения. А его юностью была война. Самая грозная из всех войн, которые когда-либо вело человечество, самая истребительная. И решалось в той войне многое, бой шел за жизнь и ради жизни на земле. Прямо из детства, со школьной скамьи уходило поколение в суровую свою юность.

*Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.*

Это о своих ровесниках и о себе писала Юлия Друнина, санинструктор пехотного батальона. И об этом же поколении, из которого так мало вернулось живыми, но благодаря кому столько людей живет сегодня на земле, писал Давид Самойлов, солдат призыва сорок первого года:

*Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!*

Навечно молодыми они и остались — большая часть поколения. Остались в памяти друзей и родных, в поэмах, в книгах, в песнях, в облике и в характере людей, живущих ныне: мальчики, школьницы, в грозный час уходившие защищать Родину. В чем-то судьба Натальи Кравцовой была романтичнее других: она не уходила на фронт, она улетала на войну. Начав летать в школе, она, в сущности, начала путь своей жизни, сама еще не зная об этом.

Перед поколением лежало столько дорог. Еще не начинали осваивать космос, но уже осваивали Северный полюс. Папанинцы, Чкалов — они были примером, они были мечтой каждого из нас. Но дорогой поколения стала дорога на фронт. И делом всей юности. А для тех, кто не вернулся, — делом всей жизни.

Не все подвиги той поры стали известны, не все известное сохранила память. И уже не каждое событие различимо в отдельности на отдалении лет. И жертвы, и небывалые испытания, и беспримерное мужество — все это теперь слилось в единый

всенародный подвиг.

Герой Советского Союза Наташа Меклин, Наталья Кравцова, летчица 46-го гвардейского Таманского авиационного полка, совершила девятьсот восемьдесят боевых вылетов, а каждый такой вылет мог стать последним, становился последним для многих ее подруг. Вместе с Натальей Кравцовой пришли с войны герои ее книг — и те, кто воевал с ней в одном полку, и те, кто создан воображением, соединив в себе лучшие черты многих.

Обычные люди в обыкновенной жизни, они в час испытаний думали не о себе, а о том, что каждый из них может отдать Родине. И не останавливались там, где надо было отдать за нее жизнь.

Так же как и ее героям, Наталье Кравцовой, в сущности, было очень мало лет, когда закончилась Великая Отечественная война, завершился этап человеческой истории. Как и большинство ее ровесников, вряд ли она тогда думала, что это ведь главное дело жизни совершено. Но проходили годы, и смыслом жизни стало воскресить в своих книгах тех, кто остался на войне, чтобы не забылось, не утратилось то лучшее, что они несли в себе.

«Из-за парты — на войну» — четвертая книга Натальи Кравцовой. А все они вместе — рассказ о незабываемых днях, рассказ о поколении, о комсомольцах военных лет. Есть неперемное свойство, которое отличает книги мужественных людей. Что бы ни испытывали герои их, проходя через сомнения, трудности, через бой и кровь, молодому человеку, читая такие книги, хочется самому все это испытать, быть так же достойным своего времени.

Вот это прекрасное свойство в первую очередь отличает книги Натальи Кравцовой.

2. Практическая часть.

Чтение глав «Из – за парты – на войну»

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

В августе я уехала в авиационный институт вместе с Олей — мы по-прежнему дружили. К этому времени у нее дома произошли изменения, позволившие ей свободно решать свою судьбу. В Киев переехала ее родная тетка с мужем и все заботы об Олиной сестре взяла на себя.

В институт нас приняли без экзаменов, так как и у Оли, и у меня в аттестате были одни пятерки.

Осень, зима и весна в Москве пробежали быстро. Мы с Олей учились в одной группе, на факультете самолетостроения, жили в институтском общежитии. Как и в школе, занимались гимнастикой, продолжали стрелять.

Оля в основном жила на стипендию, но изредка получала немного денег от своего старшего брата, который работал мастером на киевском заводе «Арсенал». Мне же родители помогали более регулярно, и деньги, которые они присылали, мы тратили сообща.

В институте Оля училась лучше меня: она любила точные науки. Меня же не очень тянуло к ним, и только теперь, поступив в авиационный институт, я поняла, что совершила ошибку — надо было идти в гуманитарный: мне легко давались языки, я пробовала рисовать, писать стихи. С трудом я заставляла себя сидеть вместе с Олей в читалке и готовиться к контрольным по математике, начертательной геометрии. Ноги сами несли меня в театр, в Консерваторию...

— Ты просто спятила! — возмущалась Оля. — Ты же провалишься на экзаменах!

— Обещаю тебе, все будет хорошо, — успокаивала я ее. — Вот увидишь, завтра засяду...

Уже кончался учебный год, когда я, наконец, взялась за учебу по настоящему.

Пришел июнь — началась весенняя сессия. Сдав зачеты, мы усердно занимались,

часто засиживаясь до поздней ночи. Нам предстояло сдать пять экзаменов. Я уже сдала три, как вдруг споткнулась на математике и получила двойку. Передавать мне разрешили только в самом конце сессии. Оля зверски ругала меня: — Ну, что теперь делать? Эх, ты... вертихвостка!

На каникулы в Киев мы собирались уехать сразу же, как только сдадим последний экзамен. В тот же день. Теперь поездка откладывалась из-за меня. Из-за моего «хвоста» по математике. Это был первый «хвост» в моей жизни. Он так и остался у меня навсегда, потому что избавиться от него я уже не успела...

Накануне последнего экзамена, когда я сидела в общежитии и лихорадочно решала задачи по физике, в комнату ворвалась Оля. Ее смуглое лицо было бледно, короткие волосы в беспорядке. Никогда еще я не видела Олю такой взволнованной.

— Талка, война!.. По радио... Включай!

Не двинувшись с места, я смотрела на нее оторопело, стараясь понять, о чем она говорит. Оля сама бросилась к репродуктору, включила его в сеть, и я услышала голос Молотова, сообщавшего о том, что Германия вероломно напала на Советский Союз...

Узнав о том, что рано утром немцы бомбили наши города, бомбили и Киев, я побежала на почту дать телеграмму домой. Вскоре получила ответ, что дома все благополучно.

Шли первые дни войны. В Москве начались воздушные тревоги, сначала учебные. Надрывно гудели сирены, стреляли зенитки, ночью по небу шарили лучи прожекторов. От выстрелов зенитной батареи, стоявшей неподалеку от общежития, дрожали стены, звенели стекла. С утра до вечера по радио передавали музыку — в основном марши. Сообщения с фронта не радовали: враг продвигался на восток, занимая наши города.

Немцы шагали по советской земле, по нашей родной земле. Это ни с чем не вязалось. Еще недавно мы пели, что «любимый город может спать спокойно» и «враг будет бит повсюду и везде»...

Теперь не могло быть и речи о том, чтобы ехать на каникулы в Киев. Какие каникулы, когда война!

— Слушай, Оля, — сказала я, — надо что-то делать...

— В самом деле, чего мы ждем? Пойдем в военкомат!

Мы уже строили планы, как действовать и что сказать в военкомате, чтобы нас взяли в армию. Но в военкомат идти не пришлось.

В первые же дни июля институтский комитет комсомола объявил, что комсомольцы МАИ поедут на трудовой фронт — рыть окопы на подступах к Москве. Как-то получилось так, что в суматохе никто не мог сказать точно, куда и на какое время мы едем. Было объявлено — на два-три дня. Но вместо двух дней мы копали два месяца...

Поездом мы долго ехали в сторону Брянска. Наконец, замедлив ход, поезд остановился. В окно я увидела пустынную платформу, за которой возвышалась стена леса. Здесь сошли мы, девушки. Ребята поехали дальше на запад.

Было раннее утро. Солнце уже взошло и, прячась где-то за лесом, слабо освещало верхушки сосен и дубов. Лес пробуждался, постепенно светлея. Пели птицы, встречая новый день.

Струдившись, мы стояли на платформе, поеживаясь от прохлады, молча провожая глазами уходивший поезд. Когда хвост поезда скрылся среди сосен и стук колес затих, наступила тишина. Стало грустно и одиноко, хотя нас, девушек, было много — человек двести. То, что ребят отправили дальше, действовало удручающе. Я поняла, что мы покинули Москву не на два-три дня, а на более долгий и пока неопределенный срок.

Я вопросительно взглянула на Олю, и она, поняв мое настроение, толкнула меня

локтем в бок, оглянулась на остальных.

— Ну, бабоньки, будем воевать одни! — громко, чтобы подбодрить девушек, сказала Оля. — А что нам — поднатужимся!..

— Мы смогём! И без хлопцев справимся! — засмеялись вокруг.

— Товарищи, пора отправляться! — подал команду Телегин, представитель райкома комсомола, единственный мужчина, сопровождавший наш отряд.

Мы двинулись по лесной дороге. Вокруг высились огромные сосны, дубы, березы, реже — ели. Это был Брянский лес, который славился своей особой красотой.

Солнце поднималось все выше, и лучи его, пробиваясь сквозь чащу леса, светлыми стрелами пронизывали утреннюю дымку. Воздух, напоенный хвоей, бодрил, вселял уверенность, и я, прошагав немного по лесной дороге, уже смотрела в будущее с надеждой и верила, что все как-то обойдется — и фашистов остановят, и война ненадолго.

Дорога привела нас к большому пионерскому лагерю, который был пуст: детей увезли в первые же дни войны. Теперь здесь был сборный пункт. Сюда прибывали студенческие комсомольские отряды из высших учебных заведений Москвы и, получив задание, отправлялись в различные районы Брянщины копать противотанковые рвы, строить оборонительные полосы.

Рядом с лагерем протекала небольшая речушка с берегами, заросшими ярко-зеленой травой. Мы разбрелись по лесу, собирая цветы, перекликаясь в ожидании обещанного нам завтрака.

— Оля! Тут ландыши!

Я оглянулась. Оля уже раздевалась, чтобы войти в речку.

— Ты куда? Вода еще холодная! — воскликнула я.

— Это для тебя холодная!

Пробуя ногой дно, она входила в воду, такую чистую и прозрачную, что мне тоже захотелось искупаться.

Я прыгнула в речку, и мы, смеясь и радуясь чудесному утру, стали барахтаться в прохладной, бодрящей воде.

В это время где-то за лесом, невидимый, негромко загудел самолет. Оля подняла голову, прислушиваясь.

Гул усиливался, и вскоре мы увидели самолет, который не спеша пересекал голубой квадрат неба прямо над нашими головами. Он летел довольно низко, и я сразу определила, что это не наш самолет.

— Разведчик, — негромко произнесла Оля. — К Брянску летит.

У меня засосало под ложечкой: вот она, война...

Самолет улетел, а мы еще некоторое время продолжали молча смотреть ему вслед.

После завтрака нам выдали новенькие лопаты, «орудия производства», с которыми мы уже не расставались в течение всего лета. Наш отряд, включавший несколько бригад, двинулся к месту назначения, где нам предстояло выкопать первый противотанковый ров длиной в несколько километров.

Едва мы вышли из ворот пионерского лагеря, как нам встретилась колонна девушек, направлявшаяся на сборный пункт. Поравнявшись с колонной, мы стали перекликаться:

— Привет пополнению! Откуда? Какой институт?

— МИСИ! А вы?

— МАИ! Встретимся на трассе!

— Желаем успеха! Счастливого пути!

Колонна остановилась, и девушки, видя, что мы с лопатами, стали махать нам платочками, разглядывая нас с любопытством и уважением, будто мы шли прямо в бой.

Сначала идти было интересно. Поля, речушки, леса, перелески. Временами деревни,

большие и малые. Колодцы-журавли. За каждым поворотом — что-то новое, неожиданное. Мы любовались белым как снег полем ромашек, старым дубом в четыре обхвата, прозрачной как слеза родниковой водой.

Но вскоре проселочная дорога запетляла в открытом поле, и наш отряд, растянувшись на километр, двигался теперь уже не так быстро как вначале. Мы порядком устали, шагая под палящими лучами солнца, вдыхая сухую мелкую пыль, которая, как дымовая завеса, стояла над дорогой, поднятая сотнями ног.

Прошло два часа, три, пять... Я чувствовала, как горит обожженное солнцем лицо, текут струйки пота по спине. Ноги казались деревянными, на подошвах, у самых пальцев, вспухали и лопались водянки. Ступать было очень больно. Первое время я шла в спортивных тапочках, но потом сняла их и повесила на лопату, которую держала на плече, как ружье. На горячей дорожной пыли оставались следы босых ног.

Я с нетерпением ждала очередного привала, чтобы лечь на землю и полежать не двигаясь минут десять.

— Не отставай, не отставай! — подстегивала меня Оля. — Давай проберемся вперед — там меньше пыли.

— Оля, у меня водянки на ногах...

— У всех водянки! Подумаешь, неженка!

— Да разве я жалуюсь? Просто не могу быстро...

Оля была беспощадна, зато Лена — веселая, круглолицая девушка, которая все время держалась возле нас, ласково заглядывая мне в лицо, посоветовала:

— А ты наступай не на всю подошву. Вот смотри, как я делаю: несколько шагов — основной упор на пятку, потом — на правую часть ступни, потом...

— Да у меня на обеих ногах!

Прихрамывая, я старалась не отставать от нее. Говорливая Лена неумолимо шла рядом и всячески развлекала меня.

— Послушай, — сказала она, вдруг чему-то обрадовавшись, — а ты знаешь задачу про трех мудрецов?

Она повернула ко мне лицо, и я увидела под низко надвинутым на лоб платочком только нос, вздернутый, покрасневший, припухший.

— Нет.

Нос зашевелился, и Лена, смахнув со щеки капельку пота, быстро заговорила, словно боялась, что я ее остановлю.

— Ну так слушай. Есть три мудреца и пять шаров: два белых и три черных. Запомни: два и три. Мудрецы стоят лицом друг к другу, у каждого на голове — шар.

— Почему шар? Он же не удержится! — возражаю я, но Лену это не смущает.

— Какая разница — шар или... колпак! Пусть шар.

— Пусть, — соглашаюсь я.

— Они постояли, подумали и каждый, логически рассуждая, определил, какого цвета шар у него на голове. Давай соображай!

Но соображать было трудно: мне казалось, что мозги мои расплавились от жары.

Пытаясь рассуждать логически, в определенном месте я спотыкалась и начинала сначала...

Во рту пересохло. Хотелось пить. Мы шли уже девятый час. Передвигая ноги автоматически, я уже не чувствовала боли. Стоят три мудреца. У каждого на голове шар. Почему шар?.. Лена что-то объясняла мне, но я не слушала, только согласно кивала. Хорошо бы сейчас — речка...

Под вечер мы наконец остановились в небольшом хуторе, прошагав за день сорок с лишним километров.

— Вот, девчата, мы и прибыли, — объявил Телегин, складывая карту, по которой ориентировался. — Тут за хутором и начнем копать. Сейчас восемь часов. Сегодня

	<p>отдыхайте, а завтра в шесть утра — на работу. Мы осмотрелись. В хуторе — единственная улица, по обе стороны которой стояли старенькие деревянные избы. Вот и все, если не считать небольшого грязного болотца или, скорее, большой непросыхающей лужи в самом центре хутора. В жидкой грязи барахтались утки, с довольным видом побрякивая и ныряя в темное месиво — снаружи оставался только подрагивающий кончик хвоста. Возле лужи не переставая блеяла коза, привязанная к колу. — Да тут настоящий рай! — воскликнула Оля. — Грязевый курорт! — А где мы будем жить? — спросила одна из девушек. — Чур, первый от дороги стог — мой! — махнула рукой Лена в сторону поля, где стояли стога скошенной травы.</p>
<p>Контрольный тест</p>	<p>Выполните задание и пришлите на проверку:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Изучите и законспектируйте лекцию. 2. Письменно дайте ответы на вопросы: <ul style="list-style-type: none"> • Кто главные герои? • Кто такая Талка? • О каком событии сообщила Оля Талке? • Куда отправились подруги? • Как началась война у Оли с Талкой? • Почему произведение называется «Из-за парты –на войну»? <p><u>Чтение стихотворения из сборника Ходункова, К. Д. «Земля величия и боли» - ВЫРАЗИТЕЛЬНО.</u></p> <p style="text-align: center;">Работы принимаются до 18:00</p>

Дата _____

Подпись

Ф.И.О. преподавателя